Укол гордости

Автор:
Анна Акимова

Укол гордости

Анна Акимова

Кабинетный детектив

У Вари Иваницкой есть крыша над головой, любимая работа в Институте биологических проблем, подруга Ида, которая пытается заставить ее жить по своим правилам, и любимая собака – фокстерьер Персик.

Однажды Варя невзначай подслушивает разговор: какой-то мужчина угрожает Иде смертью. Девушка уверена, что это донжуан и негодяй Сливков, недавно бросивший Иду. Но на следующий день Сливков неожиданно умирает сам! И город захлестывает череда жутких смертей – жертвы погибают со страшной гримасой на лице, а рядом с ними всегда оказывается некая загадочная женщина. Варя решает выяснить, что же убивает несчастных и кто эта роковая незнакомка…

Анна Акимова

Укол гордости

1

Бывают такие дни, которые хочется вычеркнуть из жизни. Или провести их во сне, с головой завернувшись в одеяло. Но приходится их проживать, вжав голову в плечи и пытаясь хоть как-то увернуться от пинков судьбы.

То, что для нее наступил именно такой день, Варя Иваницкая поняла не сразу, хотя утро явно не задалось. Она проспала. Катастрофически проспала!

Глянув на будильник, Варя в испуге скатилась с дивана, чуть не наступив на Персика, который мирно дрых себе на полу. Возмущенно рявкнув, Персик метнулся под кресло. Варя, не обращая на него внимания, забегала по квартире. В голове у нее тикал секундомер.

Так, первым делом поставить на плиту кофе, кастрюльку с Персиковой кашей, разбить в сковородку яйцо. Пока все это будет вариться, греться и жариться, она успеет почистить зубы. Потом снять свой и Персиков завтрак с плиты и бежать в душ. За те десять – пятнадцать минут, которые она потратит на гигиенические процедуры, кофе, яичница и каша остынут до приемлемой температуры, и завтрак можно будет проглотить за одну минуту. Далее – прогулка с Персиком, пятнадцать минут. Выложить подогретую кашу в его миску и замочить кастрюльку – еще две минуты.

Итого, максимум через полчаса она управится со всеми утренними делами и рванет на работу. Если вовремя подойдет автобус, есть шанс не опоздать!

Однако попытка сделать несколько дел сразу и таким образом нагнать безжалостное время окончилась плачевно. Бегая с зубной щеткой во рту из ванной в кухню и обратно, она упустила кофе. Душистая густая пена залила плиту, а Варе досталось полчашки безвкусной, водянистой бурды, оставшейся в джезве. Яичница же почему-то оказалась отвратительно сладкой.

Несколько секунд Варя сидела с набитым ртом, не решаясь проглотить странный продукт. Потом все-таки проглотила и недоуменно уставилась в тарелку.

Варя была исследователем. И по должности, поскольку работала научным сотрудником в Институте биологических проблем, и по духу. Загадочные явления притягивали ее к себе, как Фокса Малдера, ее любимого сериального героя. Феномен сладкой яичницы требовал немедленного разъяснения. То, что она катастрофически опаздывает на работу, на время забылось.

Варя попробовала содержимое солонки – соль была соленой. А сахарница пустой. Варя уже который день забывала купить сахар. Мучимая загадкой, она

разбила еще одно яйцо и лизнула пресную скользкую жижу. Н-да… Сладость, очевидно, появлялась только в процессе жарения.

Решив повторить эксперимент, Варя поставила на плиту сковородку и потянулась за маслом. И вот тут-то все сразу стало ясным и понятным.

Масло! «Фруктовое» масло! Черт!

От досады на свою глупость, рассеянность и забывчивость Варя едва не заплакала. Это самое масло, продукт местного маслозавода, она сама купила пару дней назад в супермаркете в смутной надежде испечь на досуге какой-нибудь тортик. На упаковке так и было написано: «незаменимо для приготовления кремов и домашней выпечки». На вкус «фруктовое» масло оказалось сладким маргарином, по цвету чуть желтоватым и без всяких отдушек. Что в нем было «фруктового», осталось тайной.

Тортик Варя так и не испекла, про покупку забыла, и сегодня, как назло, проклятое масло попалось ей под руку. И как она могла перепутать его с обычным? Обертка совсем другая. Нормальный человек никогда бы не перепутал, а она, с ее проклятой «профессорской» рассеянностью, осталась без завтрака.

Сладкую яичницу не стал есть даже всеядный Персик. Брезгливо выронив из пасти схваченный было кусок, он заспешил в прихожую и, поскуливая, затоптался у двери, требуя прогулки.

Гулять с Персиком Варя обычно выходила в старых джинсах и футболке, но сегодня, экономя время, сразу натянула то, в чем ходила на работу – светлые летние брюки и любимую цветастую маечку. Подпоясавшись поводком, она открыла дверь, выпустила нетерпеливого Персика, и он весело поскакал по лестнице вниз.

Закрывая дверь, Варя услышала, как где-то внизу хлопнула дверь, а затем послышалось басовитое рычание и оглушительный лай. Она похолодела от ужаса: Громолай!

Когда она в панике, задыхаясь, слетела вниз, по площадке первого этажа катался рычащий и визжащий клубок, мелькали хвосты и лапы, шел смертный

бой.

Громолай – крупная и злая сибирская лайка – жил со своим хозяином, отставным подводником Ермолаевым на первом этаже. Настоящее имя Громолая было Гром, а Варя звала его Громолаем Громолаевым за оглушительный лай и по созвучию с фамилией хозяина.

Громолай и Персик были лютые враги. Все их встречи начинались и заканчивались одним – дракой. Пару раз доходило до больших кровопролитий. В активе Персика был прокушенный Громолаев нос, в активе Громолая – полуоторванное Персиково ухо, которое пришлось потом зашивать у ветеринара. По утрам Громолай и Персик обычно не встречались, у них был разный прогулочный график, но сегодня все шло наперекосяк.

Бывший подводник Ермолаев относился к агрессивным повадкам своего пса с полным пофигизмом, за что Варя терпеть его не могла. Громолай был в несколько раз больше маленького фокстерьера Персика, и Варя панически боялась, что однажды этот громила загрызет мелкого забияку насмерть. Но убедить Ермолаева не выпускать Громолая в «автономное плавание» было невозможно. Все Варины доводы он называл бабской визготней и не собирался менять ни своих, ни Громолаевых привычек.

Вот и сейчас, несмотря на шум на площадке и Варины крики, он не спешил ей на помощь, хотя наверняка был дома. Безуспешно поколотившись в Ермолаевскую дверь и пометавшись в тщетных попытках разнять собак, Варя совсем отчаялась спасти Персика и, плача, прижалась к стене. Дерущиеся псы то и дело налетали на нее, оставляя собранную с пола грязь на ее светлых брюках.

Наконец Ермолаев вышел. Видимо, шум помешал ему смотреть утренний выпуск новостей. Не говоря ни слова, он распинал дерущихся собак, одной рукой сунул Варе рычащего, яростно извивающегося и царапающегося Персика, другой за шиворот увел Громолая домой.

…Любимая летняя маечка была изгваздана и порвана, руки расцарапаны в кровь, на светлые брючки нельзя было смотреть без слез. Варя «считала раны», стоя на краю газона, по которому, изливая неутоленные страсти, заячьим галопом носился Персик. Варя старалась не упускать его из виду и все-таки не уследила. Она лишь на секундочку отвлеклась, разглядывая глубокую

кровоточащую ссадину у локтя, как Персик исчез. Полная недобрых предчувствий, Варя напролом кинулась к кустам в центре газона и опять чуть не разрыдалась вслух.

Персик «деколонился». Так Варин сосед дед Илья однажды назвал этот процесс: «Смотри, Варька, деколонится твой фрукт».

Валяться на всякой вонючей дряни, старательно умащивая шкуру ее ароматами – вот что означало «деколониться». Чаще всего Персик «деколонился» на рыбьих останках, брошенных под этими кустами любителями попить пивка на свежем воздухе. Вот и сейчас до Вари донесся знакомый запашок тухлой рыбы.

– Персик!!! – заорала Варя. – Змееныш вредный! А ну-ка домой!

Персик вскочил, весело отряхнулся и галопом поскакал мимо Вари к подъезду. Варя обреченно поплелась следом. Придется теперь отмывать негодяя. Оставлять Персика «надеколоненным» означало вернуться к воняющим тухлой рыбой креслам и дивану. Нет, успеть на работу вовремя не оставалось ни малейшей надежды.

На лавочке у подъезда уже сидел дед Илья, Варин сосед. Вылезши спозаранку на улицу, он смолил «Тройку» и глазел на окружающий мир. Несмотря на теплынь, на тощих плечах деда висела овчинная безрукавка.

– От сиверга! – проворчал дед, неодобрительно глядя вслед пронесшемуся мимо него Персику. Затем прицепился к Варе.

– Слышь, Варька! Вот зачем вы с Егоровной завели этого кобеля? Никакой от него пользы, окромя вреда.

Варя про себя тяжело вздохнула. Дед Илья – не то препятствие, которое легко обойти.

– Здрасти, Илья Васильевич, – вежливо сказала она. – Какой же от Персика вред? Он маленький и безобидный.

– Ма-а-ленький! – ядовито пропел дед. – С ермолаевским кобелем бился – я думал, весь дом разнесут. Одежу вон тебе попортил – скажешь не вред? И брешет цельными днями, покою нету. Я вон давеча придремал на балконе, а он как заголосит! Я, веришь, чуть не обкизьмался. А на той неделе…

– Илья Васильевич, миленький, – взмолилась Варя, – мне надо бежать, на работу опаздываю. Я к вам вечером забегу…

Но дед и не думал отцепляться.

– Ты, девка, меня не подсуётывай! Стой, слушай, чего дед говорит! Бабка вон твоя уж какая была женщина умная, а и то слушала. А ты, горе-луковица, все скок да бряк! Ишь ты, на работу она опаздывает! Ночь-полночь книжки листаешь, энергию жгешь – где ж спозарань встать! Жить-то надо жизнью, а не книжками…

Деда понесло. Сейчас начнет вспоминать «светлое прошлое», потом ругать нынешние порядки, дороговизну, политику, моду и газеты с телевидением. Пока по всем этим темам не пройдется, не отпустит.

Варя от нетерпения подпрыгивала на месте, не зная как уйти. Но тут, на ее счастье, из подъезда вышел другой ее сосед, Игнат Копыток, и остановился, прикуривая.

– Здорово, Васильич! Не вспотеешь? – кивнул он на дедову безрукавку.

– Крови нет, а моча не греет, – философски ответил дед. – Кости-то теперь трухлявые стали, тепло любят.

– Ну-ну. – Игнат повернулся к Варе. – Здорово, соседка! Как жизнь молодая? Не скучаешь по вечерам? А то в гости зайду!

Игриво подмигнул Варе и замурлыкал:

Недаступнай красою прыгожая,

Несустрэтая мара мая…

– Отвянь от девки! – вдруг окрысился дед Илья. – Кобель сивый! Зоське своей спивай!

– Эх, Васильич, скушный ты человек, – завел Игнат. – Шутков не понимаешь.

– Пошуткуй мне, пошуткуй! – ярился дед Илья. – Какая такая она тебе «шмара»?

– Ты, дед, ни шутков не понимаешь, ни сурьеза. Не «шмара», а «мара». «Мечта», значит.

– Мечта-а, – ехидно пропел дед. – У тебя вон жена с дитями дома сидит, а ты размечтался!

– Жена – женой, а мечта – мечтой, – философски изрек Игнат. Бросил окурок в урну и, посвистывая, отправился по своим делам.

Тут Варя, с интересом слушавшая их болтовню, поспешно шмыгнула в подъезд.

Но ее неприятности еще не кончились. Вбежав на площадку первого этажа, она увидала чудную картину: мстительный Персик, воспользовавшись тем, что остался без присмотра, усердно «подписывал» Громолаеву дверь. Он очень старался, заходил то с одного, то с другого бока, задирал то одну, то другую лапу, и под дверью уже красовалась довольно заметная лужица.

– Персик! Фу!!!

Персик прижал уши и метнулся вверх по лестнице. Варя, мысленно адресуя «подписанту» все известные ей непечатные эпитеты, прибавила шагу. Теперь ко всему прочему придется принести ведро и тряпку с пятого этажа и навести порядок, иначе Ермолаев ей голову оторвет. Ох, ну что за денек выдался!

Нет, успеть на работу не оставалось ни малейшего шанса.

На остановку автобуса Варя пришла в старых джинсах и нелюбимой блузке, которая хоть и смотрелась неплохо, но была из синтетики, и в жару в ней было невыносимо душно.

Зайдя в маршрутку, она сразу же увидела Юрия Сливкова, сотрудника их института, который тоже почему-то опаздывал на работу. Но его это, по всей видимости, ничуть не беспокоило.

Сливков сидел на переднем сиденье, спиной к движению, и лениво пялился на входящих в автобус женщин. Сначала он смотрел на ноги, потом поднимал глаза до уровня груди, а уже потом разглядывал лицо. Это была его обычная манера. Среди коллег в институте Сливков слыл жутким Казановой.

На Варю Сливков не обратил ни малейшего внимания. Не окликнул, не поздоровался, не кивнул. Таких девиц как Варя, «бледных спирохет», он никогда не замечал. Женщина, достойная внимания Юрия Сливкова, должна была, как он говорил, иметь ЖБК, что означало не железнобетонные конструкции, а «Жопа-Бюст-Каблуки». У Вари Иваницкой эти параметры были, по всей видимости, ниже всякой нормы, и она никогда не удостаивалась внимания Сливкова.

Варе на Сливкова было наплевать, он ей не нравился, но вот беда – все остальные мужчины, похоже, оценивали женщин по тем же самым показателям. Они тоже не обращали особого внимания на Варю, а это уже было проблемой.

Со своего места Варя разглядывала брюзгливое, как всегда, лицо Сливкова и его волнистые волосы, собранные сзади в хвост. Волнистость, на Варин взгляд, была явно не природной. Варя представила Сливкова, спящего в бигуди, и брезгливо скривилась. С некоторых пор она относилась к Сливкову прямо-таки враждебно.

Во-первых, полгода назад Сливков закрутил роман с Вариной подругой Идой. Ида цвела и пахла французскими парфюмами, на которые тратила бешеные деньги. Но продолжалось это недолго. По-видимому, нашлась женщина с ЖБК более высокого класса, и Сливков дал Иде отставку. Как говаривал дед Илья, поматрасил и бросил. Теперь Ида ходила бледная и злая на всех, особенно почему-то на Варю.

Во-вторых, Ида, еще во время бурного романа со Сливковым, как-то озвучила его мнение о ней, Варе. Как уж у них зашел разговор о Варе – неизвестно, но Сливков выразился так:

«Тоща как мощa, вместо титек два прыща».

Варю это рифмованное хамство болезненно задело. Ну что плохого она сделала Сливкову, за что он ее так? Да и Ида могла бы воздержаться, не цитировать с веселым смешком сливковские вирши. Впрочем, Ида никогда не стеснялась чересчур откровенно высказываться в Варин адрес.

Автобус резко тряхнуло, Варя еле успела схватиться за поручень. Пожилая тетка в узорчатой капроновой панаме, сидевшая рядом со Сливковым, не удержала равновесия и повалилась на него. Сливков резко дернулся и брезгливо отшатнулся. Варя злорадно захихикала про себя.

Автобус подкатил к Академгородку и, пшикнув дверями, выпустил жидкую вереницу людей из своей душной пасти прямо в цветущее лето.

Варя нетерпеливо топталась на верхней ступеньке автобуса. Тетка в капроновой панаме, мешкотно сползавшая со ступенек, не давала ей выйти. Варя раздраженно рассматривала сверху забавные бомбошки, украшающие панаму, – две красные божьи коровки на зеленых листочках, качающиеся на гибких пластмасовых стебельках. Третий стебелек был оборван. «Ну давай, давай скорее», – мысленно поторапливала она тетку.

Внезапно кто-то из идущих сзади ощутимо толкнул Варю в спину, и она, ткнувшись носом в теткин затылок, вместе с ней почти вывалилась из автобуса.

Который уж раз про себя помянув злосчастный день, Варя принялась извиняться перед теткой и даже пыталась поправить сбитую при толчке панаму, но тетка только злобно зыркнула на нее бледно-голубыми глазами и, не сказав ни слова, прихрамывая пошла прочь по тропинке. Варя заторопилась в другую сторону.

Академгородок сибирского города Тайгинска был расположен в лесном массиве. Лес чах и вымирал под натиском асфальта и бетона, но был все еще силен, и летом здесь был рай земной. Сюда не долетал шум города, здесь пели птицы, асфальтовые дорожки засыпало хвоей и сосновыми шишками, на газонах цвели колокольчики и иван-чай, а из разнотравья лужаек важно и задумчиво вырастали институтские корпуса. Но увы, в этом раю жили и особо лютые комары.

Не успела Варя выйти из автобуса, как ее тут же запеленговали. Целая туча зудящих кровососов закружилась над ней. Отмахиваясь и почесываясь, она

заспешила к своему институту.

Впереди степенно шествовал Сливков. Он никуда не торопился, и комары его, казалось, не трогали. Варя обогнала его и понеслась дальше.

– Иваницкая! – догнал ее брюзгливый голос Сливкова.

Варя резко затормозила и обернулась. Сливков, так же степенно приближаясь к ней, заговорил:

– Слушай, Иваницкая, подруженьке своей безмозглой скажи, чтоб перестала дурить. Она поймет… Скажи, что я ее предупреждаю: будет продолжать дуру валять – пожалеет! Я с ней по-своему разберусь!

Он подошел вплотную и остановился перед Варей, потирая шею. Выпуклые темные глаза глядели на Варю в упор.

– Ну… Поняла?..

От злости у Вари заполыхали уши.

– Слушай, Сливков, – стараясь попадать в тон, заговорила она. – А педикюр тебе не сделать? Шнурки не погладить? Носки не накрахмалить?

– Чего-о?! – опешил Сливков.

– Того-о! – передразнила Варя. – Ничего я Иде говорить не буду. Не знаю, что у вас за разборки, и знать не хочу. Обделывай свои делишки сам!

И, в упор глядя в наглые глаза, презрительно процедила:

– Тесто…

Кипя от негодования, Варя неслась по дорожке. Сухие сосновые шишки с треском разлетались из-под ног.

Ну и козел этот Сливков, ну и козел! Отвязаться что ли хочет от Иды с ее помощью? Да Ида ее в порошок сотрет, как только она сунется со своими советами. Ида не терпит вмешательства в свои личные дела.

Как-то Варя уже пробовала завести с Идой разговор о Сливкове. Это было еще в ту пору, когда в отношениях Иды и Сливкова царила полная гармония. Варя не могла понять, что привлекает яркую красавицу Иду в хамоватом бабнике Сливкове.

– Что ты в нем нашла? – недоумевала она.

Ида недовольно поморщилась, но потом все же ответила, коротко и с усмешкой:

– Тесто.

– Какое тесто? – удивилась Варя.

– Тесто – значит тестостерон, – усмехнулась Ида. – Мужской половой гормон. Он мужик, понимаешь? Му-жик.

– А-а… – растерянно протянула Варя. – Понятно.

– Бэ-э, – передразнила Ида. – Да что тебе понятно? Ничего ты не понимаешь и не можешь понять. Ты у нас до сих пор… э-э-э… теоретик. А я с пятнадцати лет – практик. И можешь мне поверить, такие как Юрка встречаются редко.

Бедная Ида! Долго она еще будет переживать потерю своего тестостеронистого возлюбленного? Уже недели две как они с Варей не общались. Сталкиваясь с Варей в институте, Ида только кивала и молча проходила мимо, а Варя чувствовала себя почему-то виноватой.

– Козлина! – еще раз ругнулась Варя в адрес ненавистного Сливкова и решила, что сегодня зайдет к Иде и пригласит ее в кафе. Вечером, после работы. Ида любит посидеть за чашкой кофе, посмолить сигаретку. Может быть они наконец поговорят, и Иде станет легче – в таких ситуациях лучше всего выговориться, а то и поплакать. Хотя вот слез от Иды вряд ли дождешься…

К институту Варя подходила, чувствуя тоску и беспокойство. Она опоздала на полтора часа. Хорошо бы шеф куда-нибудь уехал, но разве в такой день, как сегодня, можно рассчитывать на везение?

Варя прошла через вереницу припаркованных машин и остановилась возле входа, чтобы чуть-чуть успокоиться и повторить про себя на всякий случай оправдательную речь.

Стоял безоблачный жаркий день начала августа. Над отцветающим шиповником гудели пчелы. В лесу пели птицы, в траве стрекотали насекомые, все дышало безмятежностью и покоем. Но судьба уже запустила метроном, отсчитывающий последние спокойные минуты Вариной жизни. И Варя об этом не знала. Глубоко вздохнув, она толкнула тяжелую дверь и вошла в темноватую после яркого солнца прохладу вестибюля.

По закону подлости, который преследовал Варю в этот день, она столкнулась со своим шефом прямо у входа. Константин Макарович Кривцов, заведующий лабораторией фотосинтеза и Варин непосредственный начальник, стоял у стола вахтера и листал журнал прихода-ухода.

Константина Макаровича в институте за глаза называли Милым Дедушкой. Каждый с детства помнил чеховского «Ваньку Жукова» и коронную фразу «на деревню дедушке Константину Макарычу». На самом деле он не был ни дедушкой, ни милым, этот сухопарый лысый мужчина средних лет, не злой, но раздражительный, желчный и крикливый. На сегодняшнее Варино несчастье, он был неустанным борцом за трудовую дисциплину.

При виде Вари Константин Макарович встрепенулся. В его глазах заполыхало инквизиторское пламя.

Варе пришлось спрятать подальше все заготовленные оправдания и молча выслушать бичующий монолог начальника с далеко идущими выводами о прямой связи разгильдяйства с научной несостоятельностью. Только труд и железная дисциплина, утверждал Милый Дедушка, приводят к великим научным открытиям. А такие разгильдяи, как Иваницкая, позволяющие себе приходить на работу в середине рабочего дня, занимают в науке чужое место.

У Вари были некоторые доводы против столь категоричных утверждений, но она предпочла держать их при себе. Получив от начальника напоследок несправедливое и обидное обещание лишить ее квартальной премии, она молча пошла в лабораторию.

Лаборатория фотосинтеза находилась на третьем этаже. Стоило распахнуть дверь, и перед глазами сразу возникало царство растений; всю противоположную стену занимал фитотрон – длинный стеклянный шкаф, где под люминесцентными лампами буйно росли, цвели и даже плодоносили разнообразные растения. У другой стены, в аквариумах, так же буйно зеленели водоросли. Здесь гудели центрифуги, щелкали реле термостатов, а на столах стояли строгие микроскопы и хрустально мерцали колбы и пробирки. Варе страшно нравилось здесь работать.

Сейчас, по случаю летних отпусков, в лаборатории находилось всего двое сотрудников – Варин коллега и приятель Борька Плохинский по прозвищу Плохиш и дипломница Светочка. Светочка возилась у аквариума, а Плохиш, рыжий, конопатый и обаятельный, стоял у Вариного стола и нагло листал ее рабочую тетрадь.

– Хи, Варвара! – весело сказал он. – Поздновато ты сегодня. Милый Дедуля тут икру метал, грозился устроить тебе показательное аутодафе.

– Уже устроил, – буркнула Варя, подходя к столу. Это «хи» подействовало на нее как красная тряпка на быка, но она постаралась сдержаться, только вытащила из Борькиных лап свою тетрадь и бросила ее на стол.

– Чего ты? – удивился Борька. Снова сцапал ее тетрадь и раскрыл на последней странице. – Старший товарищ тебе помочь решил, указать на ошибки. Думаешь, почему у тебя вчера эксперимент не пошел? Ты вот тут с разведением маху дала, выскочила за пределы чувствительности.

Варя, стиснув зубы, снова сдержалась и даже попыталась пошутить.

– Ну дала и дала, – хмуро сказала она. – Мах таки тоже человек.

Фразочка про Маха была любимой шуткой Софьи Львовны, старинной бабушкиной приятельницы. Но вот удивительно: из уст Софьи Львовны она

звучала задорно и всегда вызывала смех, а у Вари получилась почему-то пошловатой, и она почувствовала досаду. Видимо, каждую шутку надо еще уметь исполнить.

Борька противно сузил глаза.

– Ну хоть кому-то! – ехидно ухмыльнулся он и подмигнул куда-то мимо Вари. Тотчас же у Вари за спиной весело и ехидно хихикнула Светочка.

И тут Варя сорвалась. Со зверским выражением лица она выхватила у Борьки свою тетрадь и шваркнула ее на стол, опрокинув пузырек с метиленовой синькой. А потом срывающимся голосом заорала, чтобы он никогда, «слышишь, Плохиш, никогда!» не смел рыться в ее записях, что это хамство, что пусть лучше занимается своими делами и своими разведениями, и что это его доклад, а не ее разнесли в пух и прах на последней институтской конференции…

– А если ты, Плохиш, еще раз «хикнешь», я тебя вообще убью! – напоследок прорычала она.

Борька растерянно молчал, хлопал рыжими ресницами.

– Варвар ты, Варвара, – наконец проныл он, глядя на ручеек синьки, стекающий на пол, и ярко-синие брызги на своем белом халате. – Ее ж теперь никаким чертом не отмоешь! Тебя чего, бешеный комар укусил?

Не отвечая, Варя схватила свой халат и, натягивая его на ходу, выскочила из лаборатории, сильно хлопнув дверью.

Дверь, хряснувшись об косяк, со скрипом приоткрылась, и Варя успела услышать высокий, томный Светочкин голосок:

– Ну ва-а-ще крезанутая!..

Немного постояв на лестнице, чтобы унять колотящееся сердце, Варя пошла на первый этаж, в бухгалтерию, к Иде.

Ида и Варя считались подругами, и Варя жила под игом этой дружбы, как кроткая рабыня Изаура под властью жестокого рабовладельца Леонсио.

Вообще-то Иду звали Зинаидой, но простецкое «Зина» было безжалостно изгнано отовсюду, кроме паспорта. Ида была первой красавицей института, и с ЖБК у нее все было в порядке. Она была классической пепельной блондинкой с матово-бледным лицом надменного ангела. Единственным недостатком своей внешности Ида считала светлые ресницы и надежно прятала их от мира под водостойкой тушью «Макс Фактор». Она несла себя по жизни как большой и ценный подарок, и то, что малая часть этого подарка как бы принадлежала Варе, было почти недоразумением, сентиментальной данью детской дружбе.

Ида и Варя вместе ходили еще в детский сад. Не то чтобы они дружили, просто были знакомы. Потом они учились в одной школе, в параллельных классах. Классе в пятом Ида вместе с родителями переехала в другой район и перевелась в другую школу. Тогда они с Варей надолго потеряли друг друга из виду.

Варя окончила школу, потом университет и пришла на работу в Институт биологических проблем. Тут-то она снова встретилась с Идой, которая, окончив какой-то финансовый колледж, работала в бухгалтерии института.

Встретившись, они неожиданно обрадовались друг другу, стали общаться, встречаться, и как-то так вышло, что стали считать себя друзьями детства. Но дружбы на равных не получилось. Ида, в отличие от Вари, была личностью сильной – лидирующей, доминирующей и подавляющей. Особенно охотно, со смаком, она подавляла Варю.

По мнению Иды, в Варе было плохо все: внешность – «ни рожи, ни задницы, прической только полы подметать», умственные способности – «твои мозги надо регулярно промывать средством от тараканов» и отсутствие жизненной хватки – «помрешь в девках».

Изменить Варины ум и внешность Ида была, конечно, не в силах, но как настоящая подруга твердо решила не дать ей помереть в девках.

С целью наладить Варину личную жизнь Ида то и дело вытаскивала Варю на тусовки к своим многочисленным друзьям и знакомым. Там среди гостей непременно присутствовал тип, которому Ида многозначительно подмигивала, и

он немедленно подсаживался к Варе, усердно подливал спиртное ей в рюмку, а потом утаскивал в укромный уголок и начинал лапать и целовать.

Под алкогольной анестезией Варя все это терпела, но как только кавалер начинал лезть ей в рот языком, неудержимый рвотный рефлекс заставлял ее вырываться и спасаться в ванной. Когда она, прополоскав рот, выходила оттуда, ее ухажер уже оскорбленно и демонстративно занимался другой дамой.

Все мужчины, которых подсовывала Варе Ида, были одного типа – «для-тебя-и-такой-сойдет» – невысоконькие, лысоватые и жирноватые. Но Варю отталкивало не это, а то, что все они, на ее взгляд, были простейшими биосистемами с примитивной жизненной программой – попить-поесть-попереспать. Не то чтобы Варя ждала принца на белом коне, но все же, все же…

Устав от Вариной глупости и неблагодарности, Ида, не спрашивая ее разрешения и даже не ставя в известность, отнесла ее фотографию в одно из брачных агентств, которое искало женихов и невест, в том числе и по интернету. Вскоре на Варино имя пришло электронное письмо от некоего Теда из Миннесоты. Ида принесла Варе распечатку этого письма. Поскольку агентство предоставляло и услуги переводчика, к английскому тексту прилагался неведомо кем сделанный перевод.

«Хи, Варвара! Я – несколько морщинистолицая, энергично активная медицинская школьная способность (в Миннеаполисе) член с легкими каштановыми волосами (5, 10, 157 фунтов), кто живет на мирном небольшом озере в маленькой деревне, разделяет воспитание одинаково из моей 10 ваших старых дочерей, нежный человек с музыкой и искусством, этический гуманист и левый либерал крыла с эксцентричным и непочтительным интеллектом, домашний переноватор развелся 3 урс и совершенно готов для постоянных романтичных отношений. Мой адрес электронной почты…»

Смысл письма Варя смогла понять, только прочтя английский вариант.

Тед, этический гуманист из Миннесоты, член какой-то медицинской школы и разведенный отец десятилетней дочери, так и не узнал, в какой лингвистический кошмар превратил переводчик его бесхитростное послание. Вся скандальная слава досталась Варе.

Ида никогда не делала секрета из Вариной личной жизни, поэтому над письмом хохотал весь институт. Только ленивый не поинтересовался у Вари ее впечатлением о «члене с легкими каштановыми волосами», не спросил о здоровье десяти старых, неизвестно чьих дочерей и не высказал предположений о значении таинственного слова «урс».

Особенно веселило народ словечко «хи» – то, во что превратилось традиционное американское «хай!». Сначала все наперебой «хикали», приветствуя друг друга, потом это надоело, и «хи» оставили только для Вари. Варя боялась, что дурацкое «хи, Варвара!» приклеилось к ней навсегда.

Войдя в бухгалтерию, Варя удивилась. Ида неподвижно сидела за своим компьютером, уткнувшись лицом в ладони. По экрану компьютера плавали цветные фигуры – сходились, расходились, меняли форму. Вариных шагов Ида не слышала.

Обычно Ида была очень деятельна и никогда не сидела без дела. Если она не щелкала клавишами компьютера, то поливала цветы, красила ногти, листала глянцевые журналы или поправляла макияж. Это последнее занятие отнимало у нее, как у всякой следящей за собой женщины, уйму времени. Видеть Иду безжалостно мнущей ладонями лицо, «вышедшее из-под кисти», было странно.

– Идик, привет! – осторожно позвала Варя. Ида сильно вздрогнула, но не обернулась, и Варя торопливо продолжила: – Слушай, у меня сегодня день такой неудачный! Опоздала, выговор получила. Пойдем вечером в «Какашку», я угощаю. Заедим все неприятности…

«Какашкой» в просторечии называлось кафе академгородка «Какаду». Несмотря на неаппетитное прозвище, было оно чистеньким, уютным, недорогим и пользовалось большой популярностью у научной молодежи.

Ида наконец подняла голову и обернулась. На Варю уставилось почти незнакомое лицо, опухшее от слез, с белесыми ресницами и красными глазами. Варя никогда не видела Иду такой. Она испугалась.

– Идик, ты чего? Что-нибудь случилось?

Ида смотрела на Варю в упор, как будто не узнавая. Потом лицо ее злобно искривилось. Никогда раньше она не смотрела на Варю с такой ненавистью.

– Катись отсюда, Иваницкая, – сиплым злым голосом сказала она. – Катись, слышишь? Ты меня достала, уродка… Чтобы я тебя больше не видела! Не видела, не слышала, не обоняла и не осязала!..

Несколько мгновений они в упор смотрели друг на друга, потом Варя повернулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Нащупав дрожащей рукой пачку сигарет в кармане халата, Варя пошла на второй этаж.

Там располагались так называемые экспедиционные лаборатории. Ботаники, орнитологи, энтомологи… Летом они все разъезжались по экспедициям – в леса, на поля и болота, поэтому летом второй этаж был безлюден и тих.

По коридору гулял сквозняк. Два больших окна в разных концах коридора были распахнуты настежь. Летом все курили здесь, у этих окон, стараясь не попадаться на глаза начальству. Варя подошла к тому, которое выходило на зады института. Внизу под окном располагался бетонный козырек над дверью запасного выхода. Здесь почти вплотную к зданию росли кусты сирени и клены. Высокий густолистый клен распростер свои ветви над навесом, почти скрывая его.

Варя постояла, покурила, но душевного равновесия не обрела. На душе было так мерзко, что она заплакала. Платка в карманах не было, только тоненькая стопка больших бумажных фильтров. Варя отслюнила один и уткнулась в него лицом.

Со стороны лестницы послышались громкие голоса. Плохиш со Светочкой! Громко хохоча, они явно направлялись сюда же – покурить. Только не это! Сейчас явятся и увидят ее зареванной. Блин, да что ж сегодня так не везет-то!

Варя торопливо сняла халат, свернула его комком, перелезла через подоконник и мягко спрыгнула на козырек подъезда. Оказавшись в гуще пыльной кленовой листвы, она уселась на бетонную плиту, мимоходом пожалев джинсы и блузку и

тут же мысленно плюнув на них. Прижавшись спиной к прохладной стене, Варя затихла.

Она тут же пожалела о своем глупом поступке. Сейчас они придут сюда, будут курить, стряхивать пепел ей на голову и, конечно же, заметят ее. Листва хоть и густая, но вряд ли прикрывает ее целиком. Она будет выглядеть дура дурой. Нет, не просто дурой, а психопаткой. И опять «прославится» на весь институт. Обретет «почетное» звание институтской сумасшедшей!

Спрыгнуть вниз? Высоковато. С ее сегодняшним везением она непременно сломает ногу. Оставалось сидеть и ждать позора…

Сжавшись в комок и уткнувшись головой в колени, она ждала, когда над ней раздастся издевательский хохот. Но время шло, а было тихо.

Наконец до Вари дошло: Борька и Светочка шли не курить. Видимо, просто спускались к выходу из института, направляясь на обед, время-то было уже обеденное.

Напряжение спало, накатила апатия. Варе не хотелось ничего. Не хотелось двигаться, куда-то идти, работать. Даже жить не хотелось…

«Хужей всего», как сказал бы дед Илья, то, что Варя во всех своих несчастьях была виновата сама. Сегодняшний кошмарный день все высветил. Все в ее жизни было не то и не так.

Борька Плохинский, которого она считала если не другом, то уж добрым приятелем-то точно, издевался над ней в угоду соплячке Светочке. Самоутверждался за ее счет. Варя со жгучим стыдом вспомнила свою пошловатую шуточку, Борькину фразу: «Ну хоть кому-то!» и непереносимый Светин смешок. И свою позорную истерику. Сама виновата… Нечего было терпеть Борькины вечные шутки-прибаутки, эти «хи, Варвара». И Иде нельзя было давать помыкать собой, делать из себя посмешище. Сама виновата! Вечно она всем уступает, не смеет возразить, вечно кого-то боится обидеть. В конечном счете – она не уважает себя. Чего же ждать, чтобы ее уважали другие?

Как она могла вообще все это позволить? Этих Идиных потных и пошлых мужиков с их слюнявыми тошнотворными языками? Как она еще устояла и не уступила ни одному из них в угоду обожаемой Идочке? Как могла позволить вывесить свое фото в интернете, словно на продажу?

Хорошо, что бабушка не дожила до этого ее позора и жизненного краха, хорошо, что не узнала ни о чем…

И еще Милый Дедушка со своими воплями… Как же, человечество ждет открытий, а она, Варя, опаздывает на работу! Прямо-таки затормозила она своим опозданием мировой научный прогресс… А премия… столько было надежд на эту премию…

Лучше всего сейчас было бы очутиться дома. Сгрести в охапку Персика и посидеть с ним в обнимку, уткнувшись носом в курчавую шубку, отмытую шампунем «Пегги». Варя даже подумала, не убежать ли ей, к черту, с работы, чтобы не видеть ни Милого Дедушку, ни Плохиша со Светочкой, ни Иду. Не видеть, не слышать, не обонять и не осязать!

Может быть, ей вообще уволиться, поискать другую работу?

Однако рассудительная Варина натура, чуждая всякой экзальтации, восстала против такого намерения. Работу найти не так-то просто. К тому же кто мог гарантировать, что в других местах ей будут встречаться исключительно добрые и справедливые люди? Никто.

Кроме того, через четыре дня, в понедельник, начинался Варин отпуск. Глупо увольняться накануне отпуска. Ничего, в отпуске она отдохнет, хорошенько все обдумает и решит, как ей жить дальше.

Поэтому сейчас следовало вытереть сопли и топать в лабораторию. А то вдруг Милый Дедушка уже засек ее отсутствие на рабочем месте и готовит ей геенну огненную. И не дай еще бог, кто-нибудь увидит ее на этом козырьке.

– Вставай, Варвара, – сказала она себе. – Пошли работать. Другого выхода нет.

– Да, другого выхода нет! – вдруг произнес рядом мужской голос.

Привставшая было Варя больно шлепнулась на мягкое место и замерла от ужаса. Попалась!

Через секунду-другую она поняла, что голос доносится откуда-то справа и снизу. Она на коленях подползла к краю навеса и свесила голову. Прямо под ней было открытое окно первого этажа. До Вари донесся слабый запах сигаретного дыма. Видимо, тот, кому принадлежал голос, курил у окна.

– Ничего уже исправить нельзя, – вновь послышался голос. – Все уже сделано. Не прикидывайся идиоткой, ты все прекрасно понимаешь. Голубок уже хлопает крылышками, готовясь лететь в рай. Тебе остается только молчать. Ты слышишь? Молчать и намертво забыть, как будто ничего не было. Нет другого выхода, пойми дурьим своим умом!

Варя отметила про себя интересное выражение «дурьим умом» и хотела уже отползти, чтобы не подслушивать чужой разговор, но из глубины комнаты вдруг послышался женский плач, такой горестный, что она замерла.

Мужчина заговорил снова:

– Ты знаешь, что будет, если узнает Он? – Мужчина выделил голосом слово «он», словно произнес его с большой буквы. – Ты знаешь, что будет с тобой, со всеми нами? Нас всех ликвидируют. И не просто убьют. Будешь подыхать медленно и страшно. Он умеет жилы мотать. Ты же все дело под удар подставила. Ты всех подставила! Ты меня подставила, гадина безмозглая!

В глубине комнаты быстро и невнятно забился женский голос.

– Даже если бы я мог что-то отменить, то не стал бы, – снова заговорил мужчина. – Отмены еще ни разу не случалось, понимаешь? Ни разу! Если о твоей выходке узнает Он, – мужчина снова выделил голосом последнее слово – тебя живой закопают. А может… – он сделал паузу, – может, все к лучшему, а? Все теперь вернется на круги своя, а-а?

– Нет, нет! – громко выкрикнула женщина и зарыдала так, что у Вари сжалось сердце.

– Ну что ж, мне жаль, – сказал мужчина, – мне жа-а-аль, – пропел он чуть издевательски.

Хлопнула дверь. Стало тихо. Слышался только слабый плач женщины. Варя еще некоторое время прислушивалась, потом осторожно поднялась на ноги и, стараясь не шуметь, перелезла через подоконник.

В коридоре второго этажа было по-прежнему тихо и безлюдно, и Варя, испуганно озираясь, бесшумно промчалась к выходу на лестницу, птицей взлетела наверх, в свою лабораторию. Ей было не по себе.

До вечера Варя безвылазно просидела в лаборатории, повторяя вчерашний неудачный эксперимент. Она честно отработала полтора часа, пропущенные из-за опоздания. Борька и Светочка давно умелись восвояси, нежно воркуя друг с другом и демонстративно не попрощавшись с Варей. Да и во всем институте, должно быть, никого уже не было.

Страх ее прошел и теперь казался глупым. Трудно было поверить, что в их институте творятся темные дела, за которые кто-то кому-то грозил смертью. Триллер какой-то. Так не бывает.

Она даже подумала, а может, действительно триллер? Кто-то зашел в интернет и смотрел втихаря какой-нибудь боевичок…

Да нет, не похоже это было на киношный звукоряд. Не было музыки, которая всегда слышится за кадром, да и голоса звучали не по-актерски… Все-таки это был реальный разговор реальных людей.

Этот подслушанный невзначай странный разговор никак не шел у Вари из головы. Кто же это был? Голоса говорившего Варя не узнала, а голоса женщины она почти не слышала, только плач. И еще она никак не могла сообразить, окно какого помещения находилось под козырьком запасного выхода.

В половине восьмого она выключила приборы, сняла халат, закрыла лабораторию и быстро сбежала по пустой и гулкой лестнице на первый этаж. Прежде чем пойти в вестибюль, она свернула по коридору к двери черного хода.

Еще не доходя до нее, Варя уже все поняла.

Справа от запасного выхода находилась бухгалтерия.

«Кретинка!» – обругала себя Варя. Как же она сразу не сообразила? И ведь, главное, была же здесь сегодня, у Иды, проходила мимо двери черного хода… Проклятая рассеянность и топографический кретинизм!

Так выходит, что женщина, которая плакала здесь сегодня, не может быть никем, кроме Иды. Она сейчас в бухгалтерии одна, все остальные бухгалтерши в отпусках.

Теперь понятно, кто был ее собеседником. Конечно, Сливков. Он же собирался утром «разобраться» с Идой, вот и пришел разбираться! И лексикончик знакомый – «дура»… «безмозглая»…

Только вот о чем он говорил? «Ликвидируют… закопают живьем… всех подставила…»

Ида вляпалась в какую-то темную историю… Сливков ее втянул во что-то гнусное! Вот почему у нее сегодня было такое ужасное лицо, вот почему она накинулась на Варю. Она всегда срывала на Варе свое плохое настроение…

Варе опять стало не по себе. Странное происшествие становилось жутковатой реальностью и было теперь связано с ее лучшей подругой…

Варя нерешительно тронула дверь бухгалтерии, потом подергала за ручку. Дверь, конечно, была заперта. Она еще немного потопталась там, хмуря брови и покусывая нижнюю губу, но никаких конструктивных идей в голову не пришло. Вынув телефон, она набрала номер Иды. Недоступна… Да и бесполезно звонить, ничего Ида ей не скажет. Пошлет подальше…

Ладно, сейчас нужно идти домой, где ее ждет голодный и невыгулянный Персик. А все это непонятное и страшноватое пока отложим.

«Я подумаю об этом завтра», – сказала она себе, как Скарлетт О’Хара. И для верности добавила русский вариант: «Утро вечера мудренее».

В маршрутке было пусто, и Варя спокойно заняла свое любимое место – второе справа у окна. Автобус быстро покатил по загородному шоссе, в открытые окна задувал теплый ветер, пахнувший пылью и подвядшей травой. Только сейчас Варя почувствовала, как устала за этот сумасшедший день. Она закрыла глаза и почти задремала, а когда очнулась, автобус уже катил по городу.

Народу в автобусе прибавлялось, и Варя оказалась плотно прижатой к стенке плюхнувшимся рядом потным толстяком. Чтобы не дышать запахом пива и лука, Варя отвернулась и стала неотрывно смотреть в окно.

Автобус тем временем застрял в пробке и, судя по всему, надолго. Сначала Варя занервничала, но потом ее отвлекло зрелище, разворачивающееся за окном. Там было на что посмотреть.

Автобус встал прямо напротив ресторана «Кедр». Это был лучший ресторан в городе, с помпезной вывеской, с искусственными растениями у входа, по вечерам расцвеченный иллюминацией, как новогодняя елка. Внутри тоже все было круто, Варя один раз была там, когда в их институте проходила конференция по современным проблемам биологии, и она помогала организовывать банкет для гостей.

Сейчас перед рестораном толпились нарядно одетые люди. Мужчины в черных костюмах, белоснежных рубашках и бабочках, женщины в открытых вечерних платьях. У многих в руках были цветы. Внутрь ресторана почему-то никто не заходил.

Со стороны перекрестка медленно выплыл белый, нелепо длинный свадебный лимузин, сопровождаемый еще несколькими машинами, и причалил около расступившихся нарядных людей, которые зашумели и замахали руками и букетами. Стало понятно – гости ждали новобрачных.

Из лимузина выпрыгнул водитель, суетливо обежал вокруг и открыл дверцу. Высокий, осанистый, почему-то показавшийся Варе знакомым жених в черном костюме вышел и помог выйти ослепительно белоснежной невесте. Гости загомонили еще сильнее и окружили молодоженов плотным кольцом.

Визжащая стайка подружек невесты накинулась на пару с поцелуями. Если невесту целовали чисто символически, едва припадая щекой к щеке и чмокая воздух, то в жениха впивались всерьез, нарочно пятная помадой.

Развеселившиеся девицы не замечали, что их выдумка не доставляет удовольствия новобрачным. Испомаженный жених, похожий теперь на клоуна, глядел волком и нервно шарил по карманам, но в свадебный костюм, видимо, забыли положить платок. Невеста, полуотвернувшись, раздраженно теребила букет.

Одна женщина постарше из толпы гостей подошла к жениху и протянула ему пачку бумажных платков, сама стала помогать ему вытирать лицо. Варя хмыкнула – вот уж тесен мир. Это была та самая тетка в капроновой шляпе, которая сегодня утром в автобусе свалилась на Сливкова.

Девицы, по-прежнему галдя, толпились вокруг пары, мужчины, стоя в сторонке, посмеивались. Варя подумала, как по-разному воспринимается брак мужчинами и женщинами. Женщины ликуют, как будто празднуя победу, в поведении мужчин сквозит легкая горечь поражения.

Варя вдруг вспомнила своего соседа, деда Илью. Дед Илья дружил с Вариной бабушкой Варварой Георгиевной Иваницкой. Они часами беседовали на лавочке у подъезда, и дед частенько был зван на чай, на пироги, а когда Варя с бабушкой купили видеоплеер, то и «на старый фильм». После бабушкиной смерти дед Илья опекал Варю. Помогал в хозяйстве, чинил краны и вбивал гвозди в панельные стены, а после гостевания в деревне у родни привозил Варе, в зависимости от сезона, то пучки огородной зелени, то банку малины, то кедровые орешки и сушеные грибы.

В последнее время дед заладил:

– Взамуж тебе, Варька, надо. Мужика хорошего найтить, чтоб работящий, а не какой-нибудь сунька-выньку. Годков-то тебе уж порядком, останешься, не дай бог, в перестарках, так и будешь всю жизнь выть, как лайка-вайка.

Поначалу Варя пропускала мимо ушей дедовы советы, хотя сравнение с воющей лайкой ее слегка обижало, но дед все твердил:

– Так и провоешь всю жизнь, как лайка-вайка, взамуж надо выходить…

Варя так и пребывала в уверенности, что несчастная участь старой девы связана у деда с образом грустной воющей собачки, пока однажды дед не сказал:

– Опять вчерась выла, как лайка-вайка: «Вернись, Саша, вернись, Саша!» Взамуж надо выйтить, тут тебе и будет Саша.

Тут только до Вари докатило, что деду слышно через стенку, как она распевает под душем любимую бабушкину песню «Ах вернисаж, ах вернисаж!».

Вспомнив дедовы наставления, Варя неприлично громко хрюкнула, и потная туша рядом с ней вдруг активизировалась. Больно ткнув Варю локтем, исторгая луково-пивные миазмы, мужик загрохотал, тыча пальцем в окно:

– Слышь, ё!.. Исклевали мужика, козы! Вам, козам, только попадись, ё!.. Про-о-пал теперь, козлина! …! …! …!

– Перестаньте выражаться! – взвизгнула сидящая позади женщина. – Вы в общественном транспорте! Умейте себя вести!

Варин сосед всей тушей развернулся назад.

– Слышь, ты, общественница! Я таких как ты …!..!..! – в последовавшем монологе печатными были только местоимения. Варя подумала, что вот такой-то вот мат и называется отборным. Сжавшись, она сидела, боясь шелохнуться и привлечь к себе внимание виртуоза. Все остальные пассажиры тоже примолкли и даже слегка ссутулились, придавленные великим и могучим разговорным русским.

К счастью, пробка рассосалась, автобус тронулся и довольно резво покатил дальше. Через пару остановок Варин сосед встал и триумфально пронес к выходу свой пивной живот среди расступающихся пассажиров. Когда он вышел, раздался общий вздох облегчения.

– Время Хама, – печально сказала пожилая женщина на первом сиденье.

– А, брось, – не согласился сидящий рядом старик. – Такие были, есть и будут во все времена.

– Нет, нет! – горячо возразила женщина, – Наше время – это время Торжествующего Хама! Вы только посмотрите, что делается на телевидении, в газетах, загляните в интернет! Везде пошлость, нецензурщина…

Продолжения дискуссии Варя не слышала. Следующая остановка была ее.

Вечером, сто раз прокрутив в голове события злосчастного дня, Варя решила начать новую жизнь. Она не будет больше читать запоем детективы и любовные романы Барбары Картленд и Джейн Остин. Никакой романтики! Только научная литература. Она посвятит себя науке, и тогда посмотрим… Когда ей будут вручать Нобелевскую премию, Плохиш и Милый Дедушка будут сидеть у телевизоров, и с их отвисших челюстей потечет завистливая слюна.

Она не позволит больше Плохишу разводить ее на разговоры «за жизнь». И вообще больше никому не позволит лезть себе в душу, а потом предательски высмеивать… Она станет другой. Вежлива, приветлива, но холодна и самодостаточна – таков будет отныне ее стиль.

Во исполнение новой жизненной программы Варя решила сегодня не «листать книжки ночь-полночь», а лечь пораньше, чтобы завтра опять не проспать.

Но заснуть не удавалось. В голову лезли мысли об Иде, о нечаянно подслушанном странном разговоре, и на душе у Вари заскребли кошки. Все-таки было в том разговоре что-то такое… зловещее. Если Ида попала в беду, Варин долг ей помочь. Но как? Во-первых, Ида, активно участвуя в Вариной личной жизни, категорически не терпела вмешательства в свою. Во-вторых, Варя чувствовала, что не сможет заставить себя подойти к Иде, заговорить с ней. Слишком велика была обида. «Уродка… достала…» – Эти слова до сих пор причиняли жгучую боль, выедали душу. Сама она никогда бы не позволила себе таких слов, как бы ни была раздражена.

Однако она тут же вспомнила, как кричала на Борьку Плохинского. А не была ли она излишне резкой? Господи, и не вспомнишь теперь, что орала. И чего взбеленилась! Но в памяти тут же всплыла ехидная Борькина ухмылка и гадкий

смешок Светочки, снова всколыхнулась обида.

Обиднее всего, что Борька высмеивал ее именно вместе со Светочкой, которую сам же в грош не ставил.

Светочка была типичной «силиконовой блондинкой» со всеми атрибутами гламурной красоты: волосами до попы, «высотными» шпильками и губами «дональддак». Ее естественной средой обитания могли бы стать конкурсы красоты, модельные агентства, подиумы и фотостудии. Но на свою беду Светочка родилась в семье университетского доцента с династическими замашками. Папа категорически запретил Светочке мечтать о фэшн-бизнесе, «поступил» ее в университет и «доучил» до диплома.

На преддипломную практику в их институт Светочка пришла с университетской кафедры ихтиологии, где под руководством папы делала курсовые работы. А следом за ней, передаваемые из уст в уста, пришли анекдоты.

Эти анекдоты, хохоча, рассказывал Варе не кто иной, как Борька Плохинский.

Говорили, что Светочка вела эксперименты с икрой осетровых рыб. На чашках Петри, в которые помещались икринки, она, помимо обычной нумерации, часто писала слово «спор», а когда ее спрашивали, что сие означает, простодушно отвечала: «Спортилась». Еще рассказывали, что реактивы Светочка использовала в оригинальных, ею самой изобретенных дозировках: «щепотка малая» и «щепотка большая».

Варя смеялась, но анекдотам не верила. Ну не может человек, оканчивающий университет, быть таким безграмотным! Борька хохотал: «Не веришь? Да Светочка типичная tabula rasa, «чистая доска»! Только в случае Светочки это такая доска, на которой невозможно ничего написать. Она навсегда такой и останется». И правильно! Каждому свое. Тело есть – ума не надо!

И вот с этой самой «доской» Борька насмехался над Варей, наплевав на их приятельство и задушевные беседы «под чаек». Наверное, волосы до попы и утиные губы важнее любых дружеских отношений.

Какие же все мужики сволочи! Нет, никаких теперь душевных разговоров с Борькой! И ни с кем другим тоже. Теперь все будет иначе.

Мысли пошли по кругу, и Варя поняла, что не уснет. Она встала, накинула халат и пошла на кухню. Где-то у нее была баночка меда, привезенная дедом Ильей «со свояковой пасеки». Она слышала, что мед помогает при бессоннице.

С чашкой чая и липким бутербродом на блюдце Варя вернулась в комнату и включила телевизор. Бдительный Персик поднялся со своей подстилки и сопроводил Варю сначала на кухню, а потом обратно. Усевшись напротив нее, он требовательно гавкнул.

Варя вздохнула. Персик требовал свою долю медового бутерброда. Варя, зачитывавшаяся в детстве Стивенсоном, называла это «доля Билли Бонса».

Когда два года назад Варя и бабушка приобрели Персика, он был смешным голенастым щенком с веселым хохолком над глазами. Фокстерьерчика звали пышно – Сэр Персиваль. Варя и бабушка, посмеявшись, перекрестили щеночка в Персика. Персик сразу же признал бабушку вожаком их маленькой стаи, а за второе место стал упорно бороться с Варей. Когда бабушки не стало, Персик решил, что теперь главный в доме он, и стал настойчиво приучать Варю жить по своим правилам.

Прибирая Варю «к лапам», Персик прибегал к разнообразным средствам. Сначала, чтобы добиться желаемого, он вилял хвостом, улыбался и нежно ворковал. Если не получалось – лаял, рычал и требовательно топал лапами. Если и «силовые методы» не помогали, в ход шло последнее средство. Персик садился на попу, так что задние лапки смешно торчали в стороны и, сгорбившись, опускал мордочку до земли, сразу делаясь невыносимо несчастным. В такие моменты казалось, что он горестно размышляет о тяжкой участи собаки, попавшей в руки злобных, безжалостных людей. Торчащие задние лапки и треугольные ушки тряслись, сгорбленная спинка была такой душераздирающе скорбной, что Варя сразу сдавалась, ведь после смерти бабушки Персик был единственным родным и нежно любимым существом. Словом, Персик всегда получал все, чего хотел.

Чаще всего это была «доля Билли Бонса». Варя просто обязана была делить с Персиком каждый кусок, который ела сама. Она прекрасно понимала, что это неправильно, что нельзя во всем потакать собаке, но устоять перед Персиком чаще всего не могла.

Получив кусок липкого бутерброда, Персик брезгливо съел его и отправился спать. Хлеб с медом был пустяковой, не собачьей едой, но поступаться принципами Персик не желал.

Допив чай, Варя сидела перед телевизором, тупо уставившись в экран. С экрана какой-то чиновник о чем-то вещал – Варя не вникала в смысл, только иногда вылавливала словесные «перлы», вроде: «Это налаживало на нас дополнительные трудности» или «Наши ряды полнеют» и хихикала. Да, судя по комплекции выступающего, их ряды действительно полнели.

От «своякового» меда Варю начало клонить в сон. Надо было встать, выключить телевизор и перебраться в постель, под одеяло, но не хотелось шевелиться. Варя дремала с открытыми глазами под мирное бормотание телевизора.

Красноречивый чиновник исчез с экрана. Начались вечерние новости. Варя поуютнее устроилась в кресле, лениво вслушиваясь в голос дикторши.

…Так, жители микрорайона Тополиные Горки протестуют против сноса старинного особняка, в котором, по преданию, когда-то останавливалась княгиня Трубецкая по пути на каторгу к мужу-декабристу. Молодцы, пусть протестуют. Она тоже бы протестовала, а то скоро весь город застроят коробками, и он потеряет свое неповторимое лицо.

…В районе Ящуновых болот опять пропали двое грибников. И что людей тянет туда? Эти болота – зловещее место. Рассказывали, что здесь жила когда-то ведьма Ящуна, которую односельчане утопили в болоте за какие-то козни. Перед смертью Ящуна прокляла род людской и с тех пор мстит людям, заманивая и утягивая в трясину тех, кто оказывается поблизости от болот. В это лето там потерялось уже два человека, и вот опять…

Вдруг голос дикторши стал громче и тревожнее. Она взволнованно зачитывала чрезвычайное сообщение: известный в городе предприниматель, спонсор и благотворитель Феликс Михайлович Гримайло внезапно и скоропостижно скончался, причем на собственной свадьбе.

На экране появился портрет покойного, и Варя сразу узнала его. Это был тот самый жених, которого она видела сегодня у ресторана «Кедр» из окна автобуса. Вот почему он показался ей знакомым, его лицо смотрело с рекламных

плакатов, расклеенных по всему городу – Гримайло собирался баллотироваться в мэры Тайгинска.

Далее пошли кадры репортажа с места события. Банкетный зал, столы, ломящиеся от яств, испуганные гости и сам покойник, лежащий на банкетке. Камера оператора настырно лезла в мертвое лицо.

Сон мигом слетел с Вари. Это лицо, которое она несколько часов назад видела живым, испачканным помадой, раздосадованным, комичным, теперь было неузнаваемо ужасным. И ужаснее всего было то, что покойник улыбался. Его мертвая улыбка была неописуемо страшна. Она была нечеловеческая, злобная, словно сам дьявол растягивал уголки губ покойника и беззвучно и мерзко смеялся над теми, кто остался жить.

Варя трясущейся рукой схватила пульт и, с трудом нащупав нужную кнопку, выключила телевизор. Потом плюхнулась в постель и долго не могла уснуть. Жуткая мертвая улыбка плавала перед глазами.

2

Под утро Варе приснился кошмарный сон. Как будто они с Юрием Сливковым вышли из автобуса, а тот вдруг погнался за ними. Варя и Сливков убегали, ноги вязли в чем-то, и Варя стала отставать. Сливков вырвался вперед, Варя поняла, что автобус сейчас нагонит ее, и произойдет что-то страшное. Ужас сковал ее, ноги не шли, сердце бешено колотилось. Но автобус почему-то обогнал ее и помчался за Сливковым. Сливков бежал, оборачивался к Варе и кричал: «Хи, Иваницкая!.. Хи-и!.. Хи-и!..» Автобус и Сливков удалялись, превращаясь в точки, а назойливое «хи-и-и» все звучало и на грани сна и яви превратилось в звонок будильника.

После этого сна Варя явилась на работу с жуткой головной болью. Не помог ни аспирин, ни чай с лимоном. Поэтому Варю все раздражало. Вой центрифуги был невыносим, подсветка микроскопа больно била по глазам. Борька, сидя за своим столом, назойливо звякал пробирками и противно тряс ногой, а Светочка отвратительно, на всю лабораторию воняла приторным парфюмом и мятной жвачкой. К тому же Варя все решала и не могла решить трудную задачу. Завтра была пятница, последний день перед отпуском. Нужно было получить зарплату и отпускные, а в бухгалтерии не было никого, кроме Иды. Каким образом получить

деньги, не заставляя Иду видеть, слышать, обонять и осязать себя, Варя не знала.

Из-за головной боли в глазах стоял туман, смотреть в микроскоп было трудно, и Варя никак не могла ввести микроэлектрод в клетку листа валлиснерии. Она пробовала и так и сяк, меняла электроды, передвигала лист, терла глаза.

Наконец удалось. Самописец резко пошел вправо, отмечая скачок потенциала. Теперь можно было отвлечься на полчаса, пока кривая не выйдет на плато. Варя решила пойти попить кофе.

Светочка накрывала стол для чая, чайник уже кипел. Борька брякнул на стол пакет пряников.

– Чайку, Варвара, – примирительно позвал он.

Но Варя отказалась. Не потому, что злилась на Борьку, нет, не злилась, она вообще не умела долго злиться. Просто сидеть сейчас рядом с благоухающей Светочкой было невыносимо.

– Нет, я схожу кофейку попью, – ответила она. – Голова жутко болит, может, от кофе полегчает.

Кафетерий за углом был пуст. Скучающая буфетчица зарядила кофеварку и выдала Варе чашку горячего кофе и не первой свежести песочное пирожное. Денежный запас в Варином кошельке заметно подтаял. Как же получить деньги, вновь задумалась она.

От горячего кофе головная боль и правда немного стихла, и это подвигло Варю на решительный поступок. Сейчас она пойдет в бухгалтерию и спокойно – вот именно спокойно и с достоинством – напомнит Иде, что завтра она работает последний день, и ей надлежит, да-да, именно надлежит начислить и выдать зарплату и отпускные. В конце концов, дружить или не дружить с уродкой Варей – Идино личное дело, а выдать Варе зарплату – ее служебная обязанность…

У дверей бухгалтерии стоял Вадим Геннадьевич Зольников, заведующий лабораторией генетики. С озабоченным видом он дергал ручку двери, явно

запертой. Увидев Варю, он шагнул к ней.

– Вы не знаете, куда у нас подевалась Ида Витальевна? – спросил он.

Обычно Зольников называл ее Варенькой и та-а-ак на нее смотрел… Ну нет, положим, не «та-а-ак», а просто очень по-доброму и всегда с улыбкой. Но сейчас тон его был сухим и даже слегка злым.

– Не знаю, – ответила Варя, удивленная такой переменой. – Она мне самой нужна.

– Безобразие, – пробормотал Зольников и пошел прочь. Варя растерянно смотрела ему вслед.

Вадим Геннадьевич Зольников был бывший Идин «друг», сиречь любовник. И если Варя никогда не понимала увлечения Иды Сливковым, то Вадим Геннадьевич нравился ей чрезвычайно. Он был мужественно красив, умен, обаятелен и даже чуточку похож на Фокса Малдера. Зольников заведовал самой большой в институте лабораторией. Он появился в институте два года назад, когда неожиданно умер старый заведующий лабораторией генетики. Новый заведующий уволил почти всех старых сотрудников и привел с собой новый штат.

Сейчас лаборатория генетики занимала целый этаж в институте, а ее сотрудники, подобно небожителям, редко снисходили до простого институтского народа и между собой разговаривали преимущественно о грантах и зарубежных поездках.

Роман между Зольниковым и Идой возник почти сразу после появления Вадима Геннадьевича в институте, хотя это многих удивило – ведь Ида была простой бухгалтершей. Зольников был не ее поля ягодой. Но Иду это мало смущало, в этом мире все ягодные поля были ее.

Зольников, судя по всему, имел в отношении Иды серьезные намерения. Он уговаривал Иду поступить в университет, на платное отделение экономфака, намеревался оплатить ее обучение, а после окончания устроить на престижную должность в одном из банков. Варя думала, что этот союз навсегда, что Ида наконец-то нашла человека, достойного того, чтобы вручить ему себя. И полной

неожиданностью для нее стало, когда по институту поползли слухи про Иду и Сливкова. Променять Зольникова на неудержимого бабника Сливкова! Никогда Варе этого не понять. «Тесто», видите ли! А кроме «теста» что? Есть о чем с ним поговорить? Жизнь ведь не из одного секса состоит. Но разговаривать с Идой на эту тему, разбираться в ее сложных отношениях с обоими любовниками и высказывать свое мнение по этому поводу было совершенно бесполезно. Варино мнение Иду никогда не интересовало.

И вот теперь у Иды нет ни Зольникова, ни Сливкова. И самой ее нет. И что-то непонятное с ней происходит. И непонятно, кто выдаст Варе зарплату.

Варя вытащила телефон и набрала Идин номер. Послушала сначала длинные гудки, потом сообщение о том, что «абонент не отвечает», вздохнула и засунула телефон обратно в сумку.

Потом вернулась в лабораторию. Борька Плохинский и Светочка давно кончили чаевничать. Кривая на Варином самописце давно выползла на плато. Надо было работать.

День покатился своим чередом. Варя включала и выключала освещение, меняла растворы, омывающие лист, делала пометки на ленте самописца. Борька оставил в покое свои пробирки и теперь набирал что-то на компьютере. Светочка в резиновых перчатках мыла колбы.

Телефон зазвонил так резко, что все трое вздрогнули. Светочка стянула с руки перчатку и взяла трубку.

– Ал-ле, – нежным голосом пропела она. Варя и Борька смотрели на нее, ожидая, кого из них позовут к телефону. Но Светочка слушала молча, и лицо ее бледнело и странно менялось. Испуганно расширились глаза, приоткрылся рот.

– Ой! – сказала она, отстраняя от уха замолкшую трубку. – Ой что случилось! Ой! Юрий Юрич умер! Ой!..

– Какой Юрий Юрич? – недоуменно спросил Борька.

– Сливков Юрий Юрич! – заплакала Светочка.

– Юрка?! – ахнул Борька. – Не может быть! Я ж его вчера только видел. Пиво с ним пили, в «Какашке». Отчего умер? Это кто вообще звонил?

– Это Ниночка звонила, секретарша, – рыдала Светочка. – Сказала, что скоропостижно. Сказала, чтобы мы деньги собрали. На венок.

Варя и Борька поняли, что все правда. Ниночка Нагель, секретарь директора, была девушкой серьезной и строгой. Она не могла устроить глупый розыгрыш.

Варя вспомнила свой сегодняшний сон. Отчего-то ей стало зябко и страшно.

В понедельник хоронили Юрия Сливкова. Конференц-зал института был наполнен тихой траурной музыкой и приглушенными рыданиями женщин. Войдя в зал, Варя поискала глазами Иду, но той нигде не было видно. За два прошедших выходных дня Варя пробовала дозвониться ей раз сто, но безуспешно. А вчера она даже сбегала к Иде домой и долго стучала в запертую дверь. Она очень беспокоилась и надеялась, что на похоронах-то Ида точно будет, но и здесь ее не было…

Варя не хотела смотреть на покойника и встала подальше, но входящие люди постепенно оттесняли ее ближе к гробу. В какой-то момент она подняла глаза и все-таки взглянула на умершего.

По спине у Вари поползли ледяные мурашки, стало страшно. Она вздрогнула и невольно подалась назад, наступив кому-то на ногу и автоматически извинившись. Несколько мгновений она не могла оторвать взгляда от лица Сливкова, потом отвернулась и стала проталкиваться к выходу. Скорее, скорее отсюда. Потому что на лице Сливкова, каменно застывшем, белом, стояла та же самая жуткая улыбка, какую она уже видела на лице умершего «жениха». Два таких разных в жизни лица превратились в одинаковые маски – это было так явно, так отчетливо, так непонятно и жутко…

Кто-то тронул Варю за руку, и она, опять резко вздрогнув, обернулась. Это была Ольга Тимофеевна, главный бухгалтер, она манила Варю за собой к выходу. Они тихонько вышли.

– Пойдем, Варенька, я тебе денежки выдам, – сказала главбух. – Заодно уж и ведомость закрою.

Идя вслед за нею к кассе, Варя перевела дух, сердце стало биться ровнее.

– Ольга Тимофеевна, а где Ида? – спросила она.

– Да позвонила, сказала, что больна. Вот и пришлось мне из отпуска выходить. И когда теперь догуляю? Все на даче побросала, все дела огородные… Это она небось из-за Юрия слегла, от переживаний. Хотя, говорят, он в последнее время с кем-то другим гулял… Вот бегал по бабам, сердце-то и надорвал. Это ж надо, такой молодой, жить да жить… О-хо-хо…

У Вари камень свалился с души! Слава богу, Ида жива! Просто, наверное, не хочет никого видеть. И может быть… может быть, теперь, когда Сливков умер, Иде больше ничего не грозит.

– Ольга Тимофеевна, а чего у Сливкова лицо страшное такое? – спросила Варя. – Он, вообще, от чего умер?

– Да от сердца, говорят, и умер. Пил да курил, да по бабам блудил. Ох, господи прости, чего ж я о покойнике-то… А лица у мертвецов всегда страшные, я и не гляжу никогда, боюсь. В сторонке постою да пойду. Что там разглядывать…

Засунув поглубже в карман джинсов тугую пачечку денег, Варя отошла от кассы.

– Варя! – высовываясь из окошечка, закричала ей вслед Ольга Тимофеевна. – Вы ведь с Идой-то подружки, ты б узнала, что с ней, когда выйдет. А то я на даче все бросила…

– Узнаю, – нехотя пообещала Варя. – Постараюсь…

На кладбище приехали уже после полудня. Здесь было жарко, тихо и по-особенному, по-кладбищенски умиротворенно. Здесь кончалось все, стихали все страсти, и земля принимала всех – праведников и злодеев, красавцев и уродов, счастливчиков и горемык.

Стоя позади людей, столпившихся у могилы, рассеянно прислушиваясь к прощальным речам, Варя старалась разобраться в мучивших ее ощущениях. Странное сходство «жениха» и Сливкова, умерших почти одновременно, не давало ей покоя. Что-то как будто зудело в мозгу, что-то надо было вспомнить, что-то понять, да оно все не вспоминалось и не понималось.

Гроб опустили в могилу и стали забрасывать землей. В этот момент, откуда ни возьмись, налетел резкий порыв ветра, почти до земли согнувший молодое деревце у соседней могилы. Женщины стали, вскрикивая, довить юбки и прижимать их к ногам. Как-то сразу потемнело. Варя подняла глаза к небу и увидела, что на солнце наползает рваная черная туча.

Могильщики заторопились, лопаты замелькали чаще, холмик над могилой вырос на глазах. Было ясно, что погода портится. Люди озабоченно поглядывали на быстро темнеющее небо и по сторонам, выжидая момент, когда можно будет уйти.

Между тем ветер крепчал, срывал с могил бумажные цветы, трепал траурные ленты на венках. У женщины, стоявшей перед Варей, сорвало с головы черную косынку, освобожденные волосы взметнулись кверху, и прямо на уровне Вариных глаз открылось изуродованное ухо со срезанной мочкой и короткий шрам на шее.

В голове у Вари как будто что-то щелкнуло, и смутные, разнопространственные и разновременные картинки внезапно сложились вместе, как пазл:

…Сливков на переднем сиденье маршрутного автобуса, вздрогнув, отшатывается от навалившейся на него тетки в капроновой панаме.

…Она, Варя, споткнувшись на ступеньках этого же автобуса, почти утыкается носом в затылок той же самой тетки, сбивая набок эту самую капроновую панаму, и перед ней появляется это срезанное ухо и шрам.

…Та же тетка перед рестораном «Кедр» протягивает пачку бумажных платков раздосадованному «жениху».

…Мертвое, жутко улыбающееся лицо «жениха» на экране телевизора.

…Мертвое, жутко улыбающееся лицо Сливкова в гробу.

…Эта тетка со срезанной мочкой и шрамом на его похоронах.

Вот что «чесалось» у нее в мозгу: Сливков и «жених» оба умерли после встречи с этой теткой с приметным ухом. И у обоих на лицах – жуткая улыбающаяся маска.

Эта тетка их укокошила?

Бред, сказала Варя сама себе. Пожилая женщина посидела рядом с одним, постояла рядом с другим, и два дюжих мужика отдали богу душу? Нет, так не бывает. Но зачем тогда она явилась на сливковские похороны? Она с ним не знакома, там, в маршрутке они вели себя как незнакомые люди. Говорят, убийцы любят посещать похороны своих жертв…

По спине у Вари поползли холодные мурашки, она невольно отодвинулась от женщины «с ухом».

Может быть, это не та тетка? Варя отошла в сторону и переместилась вперед, так чтобы боковым зрением видеть лицо женщины. Вроде она, а может, и нет. Кроме поврежденного уха ничего характерного, запоминающегося во внешности женщины не было. И одета иначе, в капроновой панаме Варя ее бы сразу узнала. И осанка другая, эта кажется моложе, подтянутей, а та была сгорбленная, совсем старушка. Притворялась?

Интересно, бывают такие одинаковые повреждения у разных людей? Может, и бывают, это же не отпечатки пальцев…

Пока эти мысли метались у Вари в голове, пока она совершала маневры вокруг женщины со шрамом, погода совсем переменилась. Стало пасмурно, почти темно, ветер свирепел. Судя по всему, начинался ураган, один из тех, которые в последнее время случались в их городе каждое лето.

Толпа стала редеть. Люди торопились убраться с кладбища до дождя. Женщина со шрамом тоже поспешно двинулась к выходу. Варя почти неосознанно пошла за ней.

Налетел следующий порыв ветра – уже с обильным дождем, и люди побежали. Женщина со шрамом тоже заторопилась, и тут Варя наконец убедилась, что эта та самая тетка из автобуса. В ее походке стала заметна особенность – она слегка припадала на правую ногу. Варя помнила, как стояла и смотрела вслед тетке в панаме, когда они выбрались из автобуса, и та ковыляла точно так же, как сейчас. Варя уже уверенно пошла за ней.

Женщина со шрамом не стала садиться в институтский автобус, а поспешила на остановку рейсового, где под навесом толпились люди. Ветер бушевал все сильнее, дождь уже лил как из ведра. Жестяная крыша навеса угрожающе грохотала, с нее рекой текла вода. Люди испуганно жались друг к другу. Варя и женщина со шрамом смешались с толпой и вместе втиснулись в подошедший вскоре пустой автобус.

Варя промокла насквозь. В сумке у нее был зонт, но она, боясь упустить из виду женщину, не стала доставать его. В автобусе Варя пристроилась за несколько человек от нее и старалась ничем не привлекать ее внимания. Женщина, впрочем, была занята собой и своим зонтом, который старалась пристроить так, чтобы текущая с него вода не замочила ее.

Автобус торопливо катил к городу, широким веером расплескивая воду из-под колес. В салоне вскоре стало жарко и душно от мокрой плотной толпы. По крыше время от времени грохотали сучья, которые шквалистый ветер срывал с деревьев, стоящих по обе стороны дороги, и с силой швырял куда попало.

Наконец подъехали к городу, и люди стали понемногу выходить. Женщина со шрамом села на освободившееся сиденье. Варя держалась позади, ни на секунду не выпуская ее из виду, но стараясь все же не смотреть в упор, чтобы та не почувствовала ее взгляда.

В центре женщина вышла и пересела в автобус, который шел в микрорайон Тополиные Горки. Варя, как нитка за иголкой, следовала за ней. На конечной остановке обе вышли. Несмотря на ранний час, стояли почти сумерки. Небо, сплошь заложенное облаками, уже не извергало потоки дождя, а сеяло холодную, почти осеннюю нудную морось. Несмотря на темень, ни одно окно в домах не светилось. Видимо, ветер где-то оборвал провода.

После душного автобуса Варю, облепленную мокрой одеждой, мгновенно затрясло. Тащиться вглубь темных кварталов за женщиной, которую она подозревала в темных делах, было страшно. И все-таки она шла.

Вокруг к тому же было безлюдно. Редкие одинокие прохожие торопливо и без оглядки мчались по домам. Варя боялась, что женщина обернется и обнаружит слежку, поэтому сильно отстала от нее. Но мишень не оборачивалась, только пару раз приостанавливалась, поправляла сумку на плече и торопливо следовала дальше своей чуть неправильной походкой. Варя, трясясь от холода, отплевываясь от воды, текущей с мокрых волос, упорно шла за ней.

Она плохо понимала, зачем делает это. Что ей даст эта слежка, кроме гарантированной простуды? Ну доведет она тетку до ее дома, выяснит адрес, а дальше-то что? По логике вещей, следует пойти в полицию и заявить, что по городу ходит маньячка, убивающая людей. А может, и не просто людей, а конкретно мужиков. Ага, и что? Дяденьки полицейские спросят: как убивает, чем? Ножом, тяжелым тупым предметом, удавкой? Нет, ответит им добропорядочная гражданка Варя с активной жизненной позицией, она убивает их своим присутствием. Побудет с ними рядом – они и мрут как мухи.

Хорошо, если добрые дяденьки просто вытолкают ее в шею, а то ведь могут и машинку вызвать с красным крестом и дюжими санитарами.

И все-таки отступить Варя не могла. Впереди нее слегка нетвердой походкой шла тайна, и это было сильнее любых доводов разума.

Они все шли и шли, связанные невидимой нитью, и Варя уже начала думать, что это никогда не кончится, как вдруг женщина со шрамом свернула к какому-то дому и вошла в подъезд. Варя остановилась поодаль, разглядывая обиталище таинственной незнакомки.

Обычная пятиэтажка, старая хрущоба, такая же, как та, в которой жила сама Варя. Она нашла табличку с названием улицы и номером дома и сфотографировала ее на телефон. Так, адрес есть, номер квартиры при желании узнать тоже можно. А теперь все. Если она сейчас же не вернется домой, все кончится пневмонией.

Варя повернулась и пошла назад. И в этот же миг в окнах домов вспыхнул свет. Видимо, энергетики справились с аварией. А если бы Варя оглянулась, она бы увидела в осветившемся окне второго этажа над подъездным козырьком четкий силуэт женщины, пристально смотрящей ей вслед. Впрочем, женщина тут же отпрянула от окна. Но Варя не оглянулась и ничего не увидела, а только порадовалась, что на улицах стало светлее и как-то веселее, и побежала на остановку. Она вернется сюда завтра и постарается все разузнать.

Женщина со шрамом, отпрянув от окна, быстро спустилась по лестнице и вышла из дома. Теперь ее походка была быстрой, скользящей. Она скоро нагнала Варю, довела ее до остановки и влезла вслед за ней в автобус. Варя ее не заметила, хотя та была совсем близко от нее. Женщина умела быть незаметной, ее этому специально учили.

Она мастерски входила в особое состояние, которое называлось «шапка-невидимка». Это было что-то вроде транса. Она будто уходила под воду, на глубину, как подводная лодка, оставляя на поверхности глазок перископа, позволяющий не выпускать жертву из виду. Она могла подойти совсем близко, могла даже помаячить перед самым лицом объекта, а тот лишь смотрел на нее расфокусированным взглядом и не замечал.

Смотреть и видеть – разные вещи, говорил преподаватель той школы, где ее обучали этому искусству. Остановите человека в толпе и попросите его описать хоть кого-нибудь из тех, мимо кого он только что прошел. Вряд ли он сможет это сделать. А ведь он на всех на них смотрел. Но не видел. Все эти люди были лишь фоном, не привлекающим внимания. Виден лишь тот, кто взаимодействует с вами энергетически. И вас видит только тот, на кого вы действуете энергетически. Не задевайте человека своим биополем, и он вас не увидит.

Закуклиться в своем биополе, не задевать им жертву или объект наблюдения – это она умела мастерски. «Шапка-невидимка» работала всегда, когда надо было выследить жертву, а потом подобраться к ней поближе и войти в контакт. И даже момент контакта – самый опасный момент, она умела провести незаметно.

Люди, которые имели с ней дело, знали ее по кличке Оса. Ей нравилась эта кличка – короткая, хлесткая, зловещая. Но сама себя она чаще называла Подружкой. Её подружкой. Той, что сильнее и справедливее всех.

Она была Подружкой Смерти, она помогала ей, поставляла «клиентов» и когда приходила на кладбище проводить очередного, Смерть улыбалась ей с его мертвого лица.

Сегодня она, как обычно, пришла на свидание со своей подругой, но на этот раз что-то было не так. Там, на кладбище она вдруг почувствовала присутствие чужого враждебного биополя. Она мигом определила, от кого исходил энергетический посыл. Долговязая, невзрачная девица. И сразу вспомнила, где видела ее. У нее была великолепная память на лица.

Эта девица ехала в том самом автобусе, где у нее был контакт с клиентом. Тем самым, что скалился теперь в гробу. Потом девица еще толкнула ее на выходе и долго извинялась…

Это было неприятно. Очень неприятно. Это означало, что девица могла видеть момент контакта. Может быть, она ее умышленно толкнула? И извинялась долго… Хотела получше запомнить?

Мелькнула мысль: уж не полиция ли… Но когда она пошла с кладбища, и девица почти вприпрыжку понеслась за ней, эта мысль тут же пропала. Нет, никаким профессионализмом тут и не пахло. Детский сад, казаки-разбойники…

Тогда кто же она и что ей надо? Не родственница клиента, все его родственники пробиты и идентифицированы. Скорее всего, коллега, иначе что ей делать на похоронах? Но эта привязка не дает достаточной информации. Поэтому следовало продолжить наблюдение.

Женщина со шрамом довела непонятную девицу до дома. У самого подъезда та столкнулась с костлявым стариком, вышедшим из дома с мусорным пакетом, который тут же сердито закричал:

– Варька! Горе-луковица! Шляешься в непогодь, вон мокрая вся как уж!

Девица что-то пропищала в ответ и скрылась в подъезде.

Та, которую называли Осой, удовлетворенно улыбнулась: теперь она знала не только адрес, но и имя. Остальное было делом техники.

3

Наутро Варя проснулась с температурой, жутким насморком и болью в горле. Постанывая и шмыгая носом, она сползла с дивана, оделась и пошла выгуливать Персика. Пока Персик носился по газонам, она, скорчившись, сидела на лавочке и тряслась от озноба, хотя на улице было тепло.

Стояло погожее летнее утро, о вчерашнем урагане напоминали только непросохшие лужи и валяющиеся повсюду обломанные сучья тополей. Природа, как гневливая мать, наказавшая непослушных детей, смягчилась и снова улыбалась солнечной улыбкой.

Вернувшись домой и накормив Персика, Варя снова залезла в постель, с головой зарылась в одеяло и задремала. Сон был беспокойным и тяжелым. В больной голове крутились обрывки сновидений, мелькали и возвращались, и в конце концов осталось мучительное ощущение ходьбы по кругу, и этому не было конца.

С трудом выбравшись из сна, Варя села в постели и огляделась. В квартире тихо, в солнечном пятне на полу, выкатив сытое брюшко, валяется Персик. Все в мире благополучно, только она, Варя, – больная, сопливая и несчастная. И никому нет до нее дела, и даже стакана воды ей некому подать. Она уткнулась лицом в подушку и заплакала вслух.

Вдруг что-то тяжело шмякнулось возле ее лица. Варя вздрогнула и открыла глаза. На подушке, прямо на чистенькой наволочке в цветочек, лежала огромная кость-мосол, старательно обглоданная и обмусоленная. А над ней маячила веселая мордочка Персика. Взгромоздившись передними лапами на подушку, он бешено тряс хвостом, жарко дышал и заговорщицки поглядывал то на кость, то на Варю.

«Я вижу, что тебе плохо, – говорил его взгляд. – Погрызи! Хорошая еда помогает буквально от всего!»

Варя засмеялась сквозь слезы, двумя пальцами взяла кость, опустила ее на пол, перевернула подушку и снова легла.

Персик предусмотрительно оттащил отвергнутое угощение подальше, вернулся, без разрешения запрыгнул на постель. Из-за слабости и вялости Варя не успела увернуться и была так щедро облизана, что пришлось вставать и брести умываться.

Умывшись, она немного взбодрилась и решила переломить судьбу. Хрипло кашляя и сопя распухшим носом, она оделась и пошла в магазин.

Купив большую бутыль минеральной воды и лимон, она задумчиво остановилась у полок со спиртным. Борька Плохинский, помнится, утверждал, что лучшее средство от простуды – водка и чеснок… Но Варя не решилась и свернула к аптечному киоску, где приобрела «Антигриппин», капли для носа, коробку сушеного шиповника и баночку поливитаминов. Вернувшись домой, она принялась за лечение.

Заварив в большом термосе шиповник, она придвинула к дивану журнальный столик, выгрузила на него свой антипростудный арсенал, добавила «свояковый» мед, разделась и забралась под одеяло.

Высыпав в кружку сразу две упаковки «Антигриппина», Варя развела его горячим отваром шиповника, добавила меда, заставила себя сжевать ломтик лимона и запила его горячей смесью. Потом залила в нос капли, завернулась в одеяло и, включив телевизор на малый звук, закрыла глаза.

Она согрелась, нос задышал, и она задремала под еле слышное бормотание телевизора.

Она просыпалась, пила чай и минералку, жевала лимон и засыпала снова. Под вечер она проснулась окончательно и почувствовала, что ей гораздо легче. Посмотрев на часы, она стала выбираться из постели – пора было вести на прогулку Персика. Его, кстати, что-то не было слышно, и это было странно. Обычно перед прогулкой он ходил за Варей по пятам и всячески ее поторапливал – поскуливал, ворчал, бегал к двери и скреб ее лапами.

Варя вышла в коридор, заглянула на кухню – Персика нигде не было. В прихожей, возле тумбочки для обуви валялся непонятный белый предмет. Варя нагнулась. Смятая пластиковая бутылочка из-под витаминов. Варя подняла ее и потрясла. Пустая. Аккуратно свинченная крышечка валялась чуть дальше.

Сердце у Вари екнуло – выходило, что Персик, воспользовавшись ее болезненным состоянием, умыкнул баночку поливитаминов, сумел ее открыть и слопал все содержимое! Почти целый пузырек! Сколько там успела съесть она сама? Несколько горошин, не больше. Но это же опасно! Такая доза может повредить и взрослому человеку, а уж что говорить о маленькой собачке!

Страшные слова «гипервитаминоз, аллергия, анафилактический шок» закрутились у Вари в голове. Сердце панически заколотилось, она завертела головой, страшась увидеть где-нибудь неподалеку маленькое неподвижное тельце, но вокруг было пусто и тихо.

– Персик! – всхлипнула Варя. – Персинька, ты где?

Тихонько скрипнула дверь, Варя вздрогнула и обернулась.

Из туалета крадучись, «на цыпочках» выходил Персик, живой и здоровый, но явно нашкодивший. От облегчения Варю даже пот прошиб. Все стало ясно. В туалете у Персика могло быть только одно дело – рыться в мусорном ведре.

Из-за нездорового пристрастия Персика к пищевым отходам Варя вынуждена была держать мусорное ведро в туалете, а не в шкафчике под мойкой, который Персик свободно открывал лапой. Но сегодня она потеряла бдительность и не закрыла дверь санузла на защелку.

Варя заглянула в туалет. Так и есть – пластиковое ведерко перевернуто, картофельные очистки и луковая шелуха разбросаны по полу, фантики от конфет изжеваны, упаковка от масла порвана в мелкие клочки.

Да уж, сегодня Персик, воспользовавшись ее болезнью, повеселился на славу. Теперь он сидел в прихожей в строгой позе первого ученика собачьей школы и смотрел на Варю круглыми честными глазами.

Варя присела на корточки и обеими руками взяла Персика за уши. От Персиковой морды предательски пахло витаминами.

– Персик, – проникновенно сказала Варя, – ты безответственный, безнравственный и нечистый на лапу тип!

Персик забил по полу хвостом, вскочил, подбежал к двери и поскреб ее лапой. Обернувшись, он укоризненно посмотрел на Варю.

«Хватит думать о пустяках, когда давно пора гулять», – говорил весь его вид.

Варя вздохнула, поднялась и пошла одеваться.

Оттого что Персик счастливо избежал страшных последствий гипервитаминоза и оттого что сама она чувствовала себя почти здоровой, у Вари резко поднялось настроение. Она вдруг почувствовала зверский голод и, вспомнив, что за весь сегодняшний день не проглотила ни крошки, кинулась на кухню. Зажарив большую яичницу с гренками из черного хлеба, она, плюнув на то, что время было уже позднее, сварила большую чашку кофе.

Наступила ночь. В приоткрытую дверь балкона задувал прохладный ветерок. Замолк телевизор, бормотавший за стенкой у соседей Копытков, и стало совсем тихо. Слышался только стрекот ночных насекомых, да изредка от расположенного неподалеку вокзала доносились переговоры диспетчеров по громкой связи. Но эти звуки не нарушали тишину, а подчеркивали ее.

Варя по-турецки сидела в кресле под торшером. Спать не хотелось совсем, то ли от кофе, то ли оттого, что она сегодня спала весь день. Персик, слопавший свой ужин, а также кусок Вариной яичницы, дрых в соседнем кресле.

Варины думы были невеселыми. Вот и начался ее отпуск, а радости не было. Поехать она никуда не может, не с кем оставить Персика. Таких друзей и знакомых, которых можно было бы обременить этим шкодливым сокровищем, у нее нет. И вообще, похоже, что друзей у нее нет вовсе. С Борькой она поругалась, а Ида… С Идой вообще непонятно что…

Сливков почему-то умер, и его жаль. Как-то не важно сейчас, что она его не любила, почти ненавидела. Он умер, и все счеты закончены, его просто жаль.

Тот странный разговор между Сливковым и Идой, который она подслушала… Тут ничего не понять, пока Ида сама не расскажет. Помирятся же они когда-нибудь!..

Эта странная страшная гримаса на сливковском лице, эта тетка с подрезанным ухом на кладбище… Ничего не удалось про нее разузнать, только простудилась зря. Глупо… Правда, она знает теперь, где эта странная тетка живет. И что?.. Что дальше-то? Продолжать играть в сыщиков-разбойников?

Нет, хватит. И вообще, она наверняка все напридумывала. Да, Сливков умер, и этот… как его… Феликс Гримайло умер тоже. Ничего странного, люди умирают каждую минуту, каждую секунду. По очень разным причинам.

Все, она закрывает эту страницу своей жизни. У нее отпуск, в конце концов. Надо провести его так, чтобы было что вспомнить. Да, она не может никуда уехать, но можно, например, походить по театрам. С тех пор как умерла бабушка, она ни разу не была ни на одном спектакле. Нужно еще побегать по магазинам, прикупить что-нибудь новенькое из одежды и…

Резкий звонок телефона безжалостно вспорол тишину. Варя от неожиданности подпрыгнула в кресле. Персик вскочил и бешено залаял. Цыкнув на него, Варя трясущейся рукой схватила трубку.

– Алло! – испуганно пискнула она.

В трубке молчали, слышалось только тяжелое сиплое дыхание.

У Вари на голове зашевелились волосы. Все было точь-в-точь как в фильме ужасов, где маньяк звонит намеченной жертве и молчит, а жертву потом находят растерзанной в клочья.

– Алло, я слушаю, – снова запищала она, ожидая, что в трубке раздастся дьявольский хохот.

– Рю-ха… – Голос в трубке был натужным и сиплым, и если бы не это «Рюха», она никогда не узнала бы Иду. Только Ида, с ее страстью укорачивать имена, называла так Варю.

– Ида! – обрадованно завопила она. – Что с тобой? Почему у тебя голос такой? Ты что, заболела?

– Рюха… меня… меня у… у… били… – Слабый, неестественно протяжный голос прерывался тяжелым хриплым дыханием, всхлипами и вновь возникал, тянул плохо понятные слова: – Рю-ха!.. Юрку… я… ты… ты… тоже… дю… дю… бе… рись… а… су…

Голос смолк, и больше не было слышно ничего. Мертвая тишина стояла в трубке.

– Ида! Ида! – звала Варя, но ответа не было. Варя швырнула трубку на рычаг и заметалась по комнате, поспешно натягивая одежду. На джинсах заело молнию, пуговицы на кофте не лезли в петли. Почти плача от досады, она плюнула на пуговицы и завязала кофту узлом на животе, отпихнула Персика, суетящегося у нее под ногами, и кинулась к двери. Уже отперев замок, она вдруг передумала, вернулась к телефону. На всякий случай она набрала номер Иды и несколько секунд слушала короткие гудки. Чуть помедлив, она решительно набрала ноль два.

– Дежурный по городу, – ответил усталый голос. – Слушаю вас.

– Здравствуйте, – заторопилась Варя. – Мне сейчас позвонила подруга и сказала, что ее убивают…

Она не знала, как объяснить ситуацию дежурному, и намеренно подправляла Идины слова.

– Кто убивает, муж? – Голос в трубке стал немного досадливым.

– Нет, нет, она не замужем, – опять заспешила Варя. Ей казалось, что дежурному сейчас надоест ее слушать, и он бросит трубку. – Она не успела мне сказать… объяснить… или ей не дали… Но там точно что-то случилось, я уверена! Помогите, пожалуйста!

– Адрес? – коротко спросил дежурный.

– Заозерный, десять, квартира восемь, – отрапортовала Варя.

– Ваш адрес, фамилия?

Варя назвалась, и дежурный, коротко бросив: «Проверим», отключился.

Варя выскочила из квартиры и понеслась по лестнице вниз.

Дежурный по городу связался с экипажем патрульной машины:

– Зубов, ты где сейчас? – спросил он. – Подскочи на Заозерный, десять, проверь восьмую квартиру. Заявление поступило…

Когда Варя, с трудом поймав такси, приехала к Иде, там уже была и полиция, и «Скорая помощь». Но никакая помощь Иде была уже не нужна. Она навзничь лежала на диване, и на ее бледном лице застыло знакомое Варе выражение надменного ангела. По комнатам ходили люди, щелкали фотокамерами, засыпали вещи порошком для снятия отпечатков пальцев, рылись в Идиных вещах – Иде было все равно.

Варе пришлось опознавать Иду и отвечать на вопросы полицейских. По репликам полицейских она поняла, что Ида, по всей вероятности, умерла от большой дозы героина, которую ввела себе в вену сама. Следов насилия и присутствия чужих людей в квартире не обнаружили. А вот шприц со следами наркотика и отпечатками Идиных пальцев лежал на столе, рядом с прощальной запиской, напечатанной на компьютере. Всего несколько безличных, ничего не объясняющих слов: «Прошу никого не винить… не хочу жить… прощайте…»

На следующий день Варя сидела перед следователем Седовым – полным лысоватым мужчиной лет тридцати пяти и старалась убедить его, что Ида никак не могла покончить с собой.

Флегматичный следователь Седов все Варины доводы в грош не ставил и не скрывал этого. Иду он называл «потерпевшей Зайцевой», а к Варе пренебрежительно обращался «вы, девушка».

– Вы, девушка, тут домыслы мне не стройте. Факты, факты излагайте.

Кроме Вари и следователя Седова в кабинете присутствовал еще один человек. Худой, коротко стриженный, длинноносый и длинноногий. Варе его не представили, и про себя она назвала его Носоногом.

Носоног, согнувшись в три погибели, сидел в низком кресле позади Вари. Сидел неподвижно и молча, но Варя чувствовала, что он тоже участвует в допросе. Время от времени Седов уводил глаза за Варино плечо, и между ним и длинноносым типом в кресле протягивалась невидимая нить взгляда. Пару раз Варя оглядывалась и каждый раз наталкивалась на внимательный, чуть насмешливый взгляд незнакомца.

«Излагая факты», Варя мучительно колебалась, рассказывать ли следователю о разговоре, который она слышала неделю назад на козырьке институтского подъезда. Но так и не решилась. Уж очень недоброжелательным тоном разговаривал с ней Седов. Да и как объяснить ему свое пребывание там? Глупо ведь, да и он не поверит. Он и так, похоже, не верит ни одному ее слову.

Чувствовала она себя скверно, обессилев от слез, недосыпа и душевных мук. Ида погибла, и Варя чувствовала себя виноватой в ее смерти. Она ведь догадывалась, что Ида в опасности, но так и не смогла вмешаться и как-то помочь. То, что они с Идой были в ссоре, не имело никакого значения. Все равно нужно было что-то сделать. А теперь уже ничего не изменишь, и эта вина останется с нею на всю жизнь. И эти двое, следователь и безымянный незнакомец, как будто знали о Вариной вине и обращались с ней пренебрежительно и насмешливо.

– Как давно Зайцева употребляла наркотики? – Следователь Седов уперся в Варю сонным, неприязненным взглядом.

– Нет, нет, она никогда никаких наркотиков не употребляла, – заторопилась Варя. – Ведь у нее и следов никаких нет на руках, вы же видели, наверное.

– Наркотики можно вводить не только в локтевую вену, – назидательно заметил Седов. – Значит, вам неизвестно, употребляла ли Зайцева наркотики? Может быть, она курила травку, глотала таблетки, нюхала кокаин?

– Я на сто процентов уверена, что Ида никогда ничего такого не употребляла, – упрямо повторила Варя. – Она всегда о здоровье заботилась, фитнесом

занималась, диету соблюдала…

Следователь поморщился, что-то записал в протокол и переглянулся со своим безмолвным коллегой. Варя оглянулась. Носоног встретил ее взгляд и неожиданно широко и дружелюбно улыбнулся, сразу став очень симпатичным. Варя смутилась и быстро отвернулась.

Интересно, чего это он разулыбался? То ли хочет ее подбодрить, то ли более откровенно выражает насмешку. Может быть, у нее что-нибудь не в порядке в одежде или прическе? Варя попыталась разглядеть свое отражение в стеклянных дверцах шкафа, стоявшего позади следовательского кресла, но тут же опомнилась и ужаснулась. О чем она думает, в то время как Ида умерла…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/akimova_anna/ukol-gordosti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити